

Вера Рычкова: «Театр — моя счастливая

Вот и подошел к своему финалу юбилейный сезон нашего Тверского театра драмы. Те, кто читал театральные интервью на страницах «ВТ» и кто хорошо знает труппу, видимо заметили, что практически все ведущие актеры уже рассказали о своей жизни, о том, как они выбрали свою профессию, которая дарит нам счастливые мгновения общения с высоким искусством. Наверное, именно слово «профессия» заставило меня искать встречи с Верой Дмитриевной Рычковой, ведь то, что она одна из ведущих актрис, — безусловно.

Турусина — «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского

ЕЕ ГЕРОИНИ украшают спектакли нынешнего репертуара театра «На всякого мудреца довольно простоты», «Третье слово (Дикарь)», «Варвары», «Любовь Маргариты Готье», «Трудные родители» и многие-многие другие. Так уж случилось, что, посмотрев спектакль «На закате солнца» и расчувствовавшись, я подарил цветы Вере Дмитриевне, но так и не задал вопроса, который мучил меня все время до момента интервью.

— Вообще-то, все мы, актеры, находимся в эмиграции по отношению к нашей жизни. Потому что в театре лучше, чем в реальности. На сцене тебя раздрают страсти, ты испытываешь столько эмоций! А в жизни все эти чувства немного другие.

— Но они же все-таки есть! А на сцене они чужие.

— Это и привлекает. Вроде они твои, но происходит все не с тобой. Хотя настоящая жизнь,

— Просто вы стали мудрее и оцениваете свои поступки с высоты вашей мудрости. И все равно, для меня это разрывающее душу откровение. Я впервые слышу от кого-то, что он бы прожил свою жизнь иначе, если бы ему была дана такая возможность. Обычно становятся в позу — прожил бы все так, как и прожил уже однажды.

— Человек с годами многое переосмысливает. Оценивает свои ошибки. У меня их было много.

— Служение театру — это ошибка?

— Жертвенность. Я ведь даже собой жертвовала. Могла больной поехать на гастроли. В итоге зарабатывала какие-то осложнения, что очень мешало не только служению, но и просто усложняло собственную жизнь. Это можно назвать еще и максимализмом.

— Но вы ведь к этому и стремились. Возможно, не к тому, что вы назвали максимализмом. Хотя когда именно это желание офор-

Турусина — «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского

Тетя Анхелина — «Третье слово (Дикарь)» А. Касоны

Откуда актеры черпают свои силы, вдохновение, чтобы создать своего героя? За долгие годы общения со звездами в Москве я убедился, что порой силы и вдохновение у них берутся вовсе не из театрального пространства и даже не по воле режиссерского гения. Из жизни. Поэтому и разговор мой с Верой Дмитриевной был по большей части о жизни.

— Вера Дмитриевна, прежде чем встретиться с вами, я полистал ваши старые интервью. Из них я вынес для себя одно: «Вся ваша жизнь — это служение сцене». Неужели не было ничего, кроме театра? Неужели за стенами театра жизнь не продолжается, а замирает?

конечно же, остается. Мой педагог Стрельчик однажды сказал всем нам, его ученикам, что главное в жизни — это работа. Может быть, это и не очень хорошо. С годами я понимаю, что в какой-то момент я должна была оставить театр. В моей семье случилась большая трагедия, а я, теперь мне кажется, была эгоистична по отношению к маме, к племяннику, который остался сиротой. Его родители погибли под машиной. Нужно было все оставить и ехать к ним. Но я этого не сделала. Мама, понимая, как мне дорог театр, не настояла на том, чтобы я все бросила. И даже смирилась. Теперь я ощущаю вину.

Анна — «Анна Каренина» Л.Н. Толстого

милось, я так и не понял из ваших старых интервью. Вы лишь рассказали милый случай с доктором.

— Да, это была судьбоносная встреча. Врач, осматривая меня, увидел третий язычок (надгортанник с точки зрения медици-

ны) и сказал, что я обязательно стану певицей или актрисой.

— Но не в этот же момент родилось желание стать актрисой?

— Возможно, еще раньше. (Улыбается.) Мама у меня была «домашняя актриса»! Она очень

интересный человек — донская казачка, окончила Смольный институт благородных девиц. У нее было уникальное воспитание. И уникальность в том, что она полностью отдала себя семье, хотя могла стать кем угодно! Все-таки Смольный учил многому. Мы под руководством мамы ставили с сестрой домашние спектакли. Она сама сочиняла какие-то истории для наших постановок. Она читала нам стихи. Мама могла ночью постучать палкой в стену, чтобы я пришла к ней и записала то, что она сочинила. Несмотря на тяжелую жизнь, все возвышенное и прекрасное было никогда ей не чуждо. Даже в возрасте 90 лет она не сторонилась романтики. Влюбилась в молодого человека: это

был врач, который приходил к ней для осмотра. И хотя любовь была исключительно платонической, все-таки это была любовь. Врач к ней привязался. И стал писать ей стихи!

Я уверена, что и она сама могла стать очень хорошей актрисой. Но сделала свой выбор. Мама прошла войну хирургической медсестрой. Она была замечательной медсестрой. После войны она вполне могла выбрать и карьеру врача. Но не выбрала. Я была болезненным ребенком и мама сидела со мной. Работал только папа. В общем, она точно могла, могла, могла! Очень многое могла. В Смольный мама попала в четыре года, но когда произошла революция, Смольный перевезли в Новочеркасск. И Смольный институт стал обычным детским домом. Жизнь стала совершенно другой. Там она и превратилась в донскую казачку со всем тем, что в нее заложили в Петербурге. Я помню, как она говорила, что голос донской казачки должен быть слышен на другом берегу этой великой реки. Так что это во мне заговорили мамини гены. И еще она была удивительной рассказчицей. Мама очень интересно рассказывала о войне. Мы с сестрой, да еще все

Эмиграция»

соседские дети слушали ее с раскрытыми ртами. Знаете, как она познакомилась с моим папой? Они были в одном эшелоне, который шел в тыл. Папа был ранен. Эшелон попал под немецкую бомбежку. Все кто мог, конечно же, побежали. Рядом с эшелонам был овраг. По краю оврага росли деревья. Мама, бросившись в овраг, зацепилась за ветку. Следом бежал папа. Получилось так, что мама оказалась у него на плечах. С тех пор они уже не расставались.

что рада тому, что выхожу на сцену. Мне до сих пор это интересно. И мне этого достаточно. А тщеславием я не болею.

— *А какая из ваших героинь прожила жизнь, похожую на вашу, настоящую?*

— Все. В каждой есть что-то от меня. До конца перевоплощаться невозможно. Мы просто находимся с ними в гармонии. Полное перевоплощение — это дорога в Бурашево. Там ты можешь быть и Наполеоном, и кем угодно. А вообще, профессия

Женя Рощина — «На закате солнца» Ю. Дамскер

Папа у меня тоже был очень интересным человеком. В детстве он пел в церковном хоре. Пел хорошо, но стал партийным работником (улыбается). На войне был политруком. Поднимал бойцов в атаке. Качели судьбы.

— *Поразительно! Значит, в вас должно быть и упорство, и бесстрашие, и много других родительских черт. Отсутствуют лишь честолюбие и тщеславие. В общем, эти черты можно назвать как угодно. Отсутствие*

перевоплощения — это великое таинство, и никто не сможет вам объяснить, как это происходит на самом деле.

— *А для вас остались какие-то тайны в профессии?*

— Каждая новая роль — новая тайна. Это очень интимно. У каждого по-своему.

— *Какой же это интим? Вы выходите на сцену и открываете душу зрителю.*

— Не свою. Никто не знает и не может заглянуть в душу Веры Рычковой. В душу Анны Карениной — да. Возможно, мы похожи, но не более. Или я когда-то играла пьянчужку, я даже ходила с татуировкой. А перед выходом ходила в притончик, чтобы понять такую женщину. И увидела. На ногах мужские сандалеты, чулки приспущены, татуировка на руке. Я даже голову мочила водой, и мне сделали химию. А когда выходила на сцену вода с меня капала... Да, я раскрывала душу, но не свою. Возможно, показывая зрителю пьянчужку, я пытаюсь оправдать эту героиню. Вот это и есть та часть души Веры Рычковой.

— *А вы каждый раз играете по-разному?*

— Да. Есть много факторов, которые сказываются на игре.

— *Все эти «подматривания», на мой взгляд, просто профессионализм. Я, наконец, задам вам вопрос, который меня долго терзал. В постановке «На закате солнца» ваша героиня практически прожила жизнь, очень похожую на жизнь Веры Рычковой. Частично вашу, частично жизнь ваших родителей. Любовь, мечты, эмиграция, расставание. Мне кажется, в этом спектакле вы не играли вообще. Просто рассказали зрителю кусок вашей жизни.*

— Расскажу немного об истории самого спектакля. Этот спектакль на самом деле никто не ставил. Режиссерами спектакля были мы сами: я и моя самая близкая подруга Наина Хонина. И все-таки это была игра. Правда, гениальная, поэтому вы и всплакнули. (Смеется.)

— *Хорошо. Пусть так. Хотя я понимаю, что вы шутите. Скажите, вот вы долгие годы выходите на сцену, окунаетесь в другой мир, который лучше реального. Но ведь происходит это в физических рамках настоящего театра. Его состояние как-то отражается на вашем красивом мире?*

— Конечно. Я сегодня играю не каждый день, а значит, и редко живу. Но все-таки живу! А это главное.

Раневская — «Вишневы сад» А.П. Чехова

стремления к славе. Иначе я не могу объяснить себе то, что вы не попытались, окончив институт в Ленинграде, остаться там. Или же перебраться в Москву.

— В актерской профессии меня привлекал сам процесс: уход от скучной жизни в жизнь другую, гораздо более красивую. Волшебную жизнь. Правда, будучи девчонкой, я не знала, что эта жизнь тоже очень тяжелая. Но даже повзрослев, я никогда не мечтала о славе. А остаться в Питере или Москве... Был момент, когда мы с Валерием Гатаевым были приглашены играть «Скамейку» в Москве. Но свой театр я не бросила.

— *Но своего режиссера вы нашли именно здесь?*

— Наш театр, безусловно, театр Веры Ефремовой. И она мой режиссер.

— *Вы из числа тех, кого зритель боготворит. Это ведь очень важно для актера?*

— Я так не думаю. Я вам уже говорила,

Приметить неприметное

На этой неделе в помещении «Клуба Союз», что на Желябова, 32, открылась выставка работ тверского фотохудожника Влада Плужникова. Мероприятие прошло в рамках проекта «Ищу человека!», организованного мэтром тверской фотографии Владимиром Моисеевым. Нынешняя экспозиция — уже не первая в общем ряду и далеко не последняя. Фотоработы следующего автора сменяют ее через несколько недель.

тонкий художественный вкус. Хотя, казалось бы, что может быть сложного в том, чтобы пройти по улице и поснимать то, что видишь? С подобным справится любой. Однако не каждый сможет поймать тот самый, единственный кадр, в котором окажется вся суть происходящего момента. Фотография — на самом деле тонкая работа, а художественная фотография и того сложнее. Влад Плужников не просто фотографирует, он рисует свои произведения. Капли на стекле, медленно стекающая вода, необычные тени, действия, выражения лиц, самые элементарные бытовые моменты необходи-

Владимир Моисеев и Влад Плужников

НУ, А ПОКА подробнее остановимся на том, что есть. И первое, что бросается в глаза — необычное название экспозиции — «Объективно — люди». О чем автор хотел поведать зрителю? Это раскрывается сразу же, стоит лишь взглянуть на представленные работы. Влад Плужников снимает в особом жанре «Уличная фотография», где необходимо хорошее внимание и

мо увидеть под таким углом, который другие обойдут стороной. В этом и есть смысл художественной фотографии — донести до зрителя то, что он никогда бы не заметил сам. В представленной экспозиции несколько десятков подобных работ. Каждая представляет собой один короткий момент из городской жизни. Выставка продлится до середины июня.

